

Марина Москвина

УЧИСЬ ВИДЕТЬ

Уроки творческих взлетов

Марина Москвина

**Учись видеть. Уроки
творческих взлетов**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2013

Москвина М. Л.

Учись видеть. Уроки творческих взлетов / М. Л. Москвина —
«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2013

ISBN 978-5-91657-860-7

Марина Москвина – писатель, лауреат Международного диплома Г.-Х. Андерсена, автор книг «Моя собака любит джаз», «Не наступите на жука», повестей-странствий, рассказов и романов, мультфильмов, картин и скульптур, журналист и преподаватель писательского мастерства. А «Учись видеть» – самый замечательный учебник, какой только можно придумать: неучебнический учебник! Это сильная толчковая рука, которая, как ядро, нацеливает читателя на творчество и придает ему ускорение. Главная мысль: любой человек – прирожденный творец, нужно только дать ему расцвести. Как расцветают под водительством Марины Москвиной ученики, чьи маленькие рассказы – лучшее тому доказательство. Люди пишущие найдут в книге дельные профессиональные советы, а остальные зарядятся энергией, вдохновением и желанием смотреть вокруг широко открытыми глазами. Тем более что в книге «Учись видеть» есть окна – фотографии, которые выстраиваются в картину этого цветущего, как утверждает Москвина, мира.

ISBN 978-5-91657-860-7

© Москвина М. Л., 2013
© Манн, Иванов и Фербер
(МИФ), 2013

Содержание

Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Марина Москвина

Учись видеть. Уроки творческих взлетов

На обложке картина Марины Москвиной «Синяя птица».

Натальи и Валерия Силаевых, Игоря Макаревича, Натальи Медведевой, Юлии Горовой, Андрея Веселова, Сергея Шахиджаняна, Валерия Плотникова, Андрея Суздалева, Валентина Волкова, Геннадия Трошкова, Леонида Тишкова, Марины Москвиной, Геннадия Черкасова.

Благодарим Сергея Тишкова и Вадима Бугаева за рекомендацию книги к изданию

© Москвина М.Л., 2005

© Москвина М.Л., 2014, с изменениями.

© ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Когда на поезде несемся,
мы несемся,
Деревья мчатся и дома
назад,
Но небо звездное вверх
Парит за нами вслед.*

Джеймс Томсон

Творчество – это потрясающий способ существования – страстный, глубокий, только любовь может сравниться с творчеством, но ведь одно не исключает другого! Лишь медитация и молитва превосходят его, однако ни в коей мере не упраздняют.

Иногда эти вещи настолько переплетены, что просто душа радуется.

Однажды в Москву приехал поющий раввин Шломо Карлебах. Его концерт должен был состояться в московском Дворце молодежи на «Фрунзенской». А я столько слышала о нем, что немедленно позвонила своим лучшим друзьям – Антонову с Седовым – и побежала к началу концерта покупать билеты. Раздобыла три билета, стою, жду этих оболтусов. Народ перед входом толпится, шум, гвалт – и вдруг подъезжает автомобиль, оттуда выходит седобородый невысокий человек в шапочке-кипе, в черном одеянии, он был толстоват, розовошек, глаза веселые, посверкивают! – и поднимается по лестнице. Толпа расступилась, давая ему дорогу. А он всех оглядывает с сияющей улыбкой. Вдруг остановился и протянул руки – сначала никто не понял, к кому. И тут меня осенило: батюшки мои, да это он мне распахнул свои объятия!

Ну, тогда я поступила так, как обычно поступаю в подобных случаях, – вышла из толпы, тоже обняла его, расцеловала.

Он меня спрашивает по-английски:

– Как тебя зовут? Кто ты? Писатель???

Стоим обнявшись, разговариваем о том о сем.

Слышу:

– Маринка! – Седов с Антоновым явились и застают вышеописанную картину.

Я говорю:

– Это мой друг Шломо Карлебах. А это Серега с Андрюхой.

Короче, мы провели счастливейший вечер – с огромным залом распевая псалмы и молитвы вместе с этим ликующим, празднующим жизнь раввином.

Истинно творческого человека всегда видно невооруженным глазом – по тому, как он идет, как сидит, как пьет чай, с каким вниманием смотрит на тебя, как молчит, что говорит. Если он коснется тебя – пожмет руку или погладит по голове, – ты это запомнишь на всю жизнь. Потому что, взглянув или прикоснувшись, он одарит тебя. Он только вошел, а все вокруг наполнилось смыслом. Им хочется все время любоваться. В него невозможно не влюбиться, вы понимаете, какая штука? Он творит какой-то особый мир вокруг себя, ужасно притягательный.

Много лет назад я посмотрела фильм «Не горюй!», снятый по сценарию Резо Габриадзе. А потом смотрела и смотрела «Не горюй!» – раз шесть или восемь. «Кувшин», «Необыкновенная выставка», «Бабочка», «Мимино» – больше тридцати фильмов у Резо Габриадзе, я видела почти что все. И так честно плакала там и смеялась каждый раз. Если б мне сказал кто-нибудь тогда: эх, придет время – Резо Габриадзе, останавливаясь в Москве проездом из Лозанны в Тбилиси, своей рукой наберет твой номер телефона, и ты услышишь в трубке:

– Аллю? Марина? С днем рождения! Желаю вам сохранить красоту еще хотя бы на год!

– На год не получится! Это слишком много!

– Тогда на девять месяцев.

– Как вы?

– Хорошо, – ответит он мне. – Я в хороших брюках, в рубашке, носках. На мне хорошая голова, и уши не отходят далеко, но жмутся к голове боязливо. Я читаю вашу книжку, но не залпом, по слогу в неделю! Растягиваю удовольствие.

...Я не поверила бы! Просто не поверила.

На протяжении нескольких лет я никак не могла взять у него интервью для моей радиопередачи. Он постоянно был занят, причем абсолютно разными вещами, но в каждое свое дело он вкладывал всего себя без остатка. То он пек хлеб – хлеб у него кончился: женщина, у которой он жил в Москве, куда-то уехала, продукты он все съел и решил печь хлеб.

– Какое это, – говорит, – занятие прекрасное – печь хлеб.

Когда он ел, то мука летела у него изо рта.

В другой раз прихожу – он сидит на коврик, мешок с тряпицами перебирает. К тому времени Резо Габриадзе уже стал знаменитым на весь мир режиссером кукольного театра. Маска с черной вуалью, жемчугами и золотом, расшитые воротники, серебряные нити, пурпурные ленты – этакий тук волшебника.

Вы когда-нибудь держали птичку в руках? Мне кажется, у них в одном ритме бьется сердце – у птички Бори Гада из кукольного спектакля Резо Габриадзе «Осень нашей весны» и у Резо.

Я Борю не держала в руках. А старика Янкеля из этого спектакля держала. Теплый, мягкий, улыбчивый, он прожил у меня три дня и три ночи. А к концу третьего дня позвонил один художник. Он сказал, что хочет «повторить» Янкеля.

– Ну нет, – ответила я, держа старика на руках, а он отечески обнял меня за шею, прикрыл глаза, мне слышно было, как Янкель дышит. – За день не получится.

– Вся кукла из цельного куска? – деловито спросил художник. – Нет? Ах, механика?! – воскликнул он.

– Органика, – сказала я.

Однажды Резо Габриадзе предложили как художнику принять участие в эротической выставке. Резо нарисовал на холсте каменную стену и написал с поистине эпическим размахом:

«Если долго смотреть на стену женской бани, она становится прозрачной. У автора не было времени, поэтому он нарисовал, что он увидел, а вы смотрите и увидите, что вы хотите».

Я говорю:

– А если дальше смотреть и смотреть, то станут прозрачными обитатели бани и противоположная стенка тоже станет прозрачной, тогда взору наблюдателя откроются такие дали, о каких он даже и не подозревал!

– Но это уже работа не на эротическую выставку, – сказал Резо, – а туда, где будут пейзажи – Шишкин, Репин – вот эта компания.

Еще у него есть великий афоризм: «Если долго смотреть на табуретку – становится страшно».

Я приравниваю это высказывание к открытию неведомых, не нанесенных на карту земель. Потому что привычные вещи, на которые мы смотрим как на вполне заурядные предметы, непременно имеют свой скрытый смысл. И человек, проникший в суть предмета, раскрывший этот смысл, достоин нашей памяти и благодарности.

Знаете, чем прославился на все века американский художник Йозеф Кошут? Он выставил в музее стул, Стул Обыкновенный, что дало начало целому направлению в искусстве – концептуализму. Ведь искусство и есть необыкновенный взгляд на окружающий мир.

Резо Габриадзе страшно смотреть на табуретку – и мы переживаем с ним этот страх. Стул Кошута превратился в произведение искусства лишь оттого, что художник сменил угол зрения. Главное, все люди нашей Земли под этим самым углом взглянули на стул и остолбенели: он оказался совсем не той вещью, за которую выдавал себя на протяжении тысячелетий.

Необыкновенный взгляд на окружающий мир – отличительная черта творческого человека. А может быть, наоборот – именно его взгляд самый правильный, нормальный и обыкновенный. Как говорят мудрецы: то, что считается чудом на одном уровне бытия, – насквозь обычное дело на другом уровне, более высоком и духовном.

Художник, режиссер, сценарист, поэт, абсолютно цветущая личность – Резо Габриадзе. Актер Зиновий Гердт однажды сказал про него: – Красота Резо Габриадзе спасет мир.

Поэтому Величайшими Творцами есть смысл называть людей, которые прозрели до такой степени, что видят мир не искаженный гудением собственных мыслей, желаний, страхов и наваждений, а в чистом виде во всей великолепии – каким его произвел на свет Создатель.

Есть такая притча. Учитель смотрел в окно. К нему подошел ученик. Они долго стояли молча, и вдруг ученик запел и затанцевал. Все спрашивают:

– Что? Что случилось?

А он отвечает в экстазе:

– Велик свет, что показал мне Учитель. Но сколько времени пройдет, прежде чем я увижу его своими глазами?

От самых мудрых людей планеты я получила радостную весть: каждому человеку суждено увидеть ЭТО своими глазами. Узнать, воспринять, прочувствовать, укорениться в ЭТОМ и расцвести. Прорыв реален прямо сейчас, но мы почему-то медлим и откладываем. Шекспир говорил: «Мы знаем, кто мы. Но мы не знаем, кем мы можем быть!»

Каждое человеческое существо – природный творец. Для этого необязательно стремиться стать профессиональным поэтом, живописцем, композитором или актером. Не стоит проводить жизнь в ожидании Нобелевской премии. Я слышала, один американский искусствовед-миллионер говорил начинающему художнику:

– Молодой человек, послушайте мой совет. Не надо так неудержимо желать известности. Если б вы знали, сколько забот и хлопот обрушится на вашу голову разом! Телефон будет разрываться на части, начнутся неразрешимые проблемы с женщинами, бессмысленные интервью, оголтелые папарацци – ни секунды покоя. Вам придется решать, кто будет вас играть в Голливуде!..

Творчество – это состояние души, плодородная жизнь, разумная, щедрая, избыточная. Способность испытывать радость от самых обыкновенных вещей, например что ты дышишь или идешь, увидел возлюбленного или обнимаешь дерево.

У меня много знакомых деревьев. Близких друзей-деревьев у меня, наверное, столько же, сколько друзей среди людей. Зимой я часто катаюсь на лыжах в лесу в Переделкине. И там есть один мой любимый дуб, который я всегда обнимаю, когда еду мимо. Однажды я с ним познакомила моего мужа Лёню. Лёня остался отдыхать в Переделкине, а я поехала домой. Потом я опять вернулась, а Лёня отправился в Москву сидеть с детьми и собакой.

Вот еду я по лесу, все белым-бело, встречаю мое дерево и думаю: интересно, Лёня узнавал его без меня? Приветствовал ли?

Подъехала, обхватила руками, вдруг вижу: в том самом месте, где я обычно лбом прижимаюсь к стволу, за отступающей корой белеет маленькая, почти незаметная бумажка. Я вытащила ее, не без труда развернула – там было написано детским почерком, немного корявым, который вполне мог принадлежать и Лёне, и дереву:

«Здравствуй, Марина!»

Я чуть не растаяла там на снегу. И подумала: может, ради этого момента мы и встретились в этом лучшем из миров?

Экзюпери говорил, что дворник подметает кусочек земного шара, а фонащик освещает темноту Вселенной. Творческому человеку нужны пространство и свобода, неважно, рисуешь ли ты, тачаешь ли башмаки, плотник ты или садовник в красных кедах, окучивающий пионы. Поэтому в старину Мастер Жизни обучал своего ученика какому-нибудь обычному человеческому ремеслу, а его подмастерье, погружаясь в это дело, обретал глубокое просветление.

Один дьявольски талантливый пианист рассказывал, что, когда своих учеников он ведет за пределы привычного мира, ни слова не говорит им ни об истине, ни о любви, речь идет только о семи нотах. И запел:

– Ми до, ми до, фа ми ре, соль-соль-соль, ля си до-до-до!

Сама не знаю, как так оказалось, что я, профессиональный ученик, стала вести творческую мастерскую и на примере писательского ремесла взяла на себя смелость призвать вас ни при каких обстоятельствах не забывать любоваться мирозданием.

Как в последнем стихотворении, которое сочинил перед смертью китайский Мастер Хосин:

Из сиянья пришел я,
Возвращаюсь в сиянье.
Что ж это?

P. S. Наш разговор о взгляде на этот мир настойчиво потребовал изобразительного ряда. Я вспомнила притягательность, которой обладают для меня некоторые фотографии. Специально, чтобы углубиться в предмет, прочла умную, добрую, полную любви и печали книгу французского философа Ролана Барта *Camera lucida* и выстроила из фотографий, принадлежащих известным фотографам, а также любительских снимков некую картину, которая, как говорил Барт, сводится к простой мистерии существования.

Глава 1

Может, вас поразило... ухо?

Если б вы только знали, в каком ужасе каждый сентябрь я иду на встречу с вами. Незнакомые, разношерстные, ершистые, избалованные родителями, сразу видно, что лентяи, болтуны, обалдуи, вообще ничего не читали, хотя все страшно важные и очень много о себе воображают, короче, полные «валенки».

Каждый сентябрь меня радостно представляют вам:

– А это наша Марина!

Я вас приветствую сдержанно. А вы глядите на меня с любопытством и некоторым подозрением: не псих ли эта *Марина*, а то очень похоже.

Так мы восходим на первую ступеньку лестницы, по которой я давно уже карабкаюсь и знаю, что она бывает обманчиво прогулочной и пологой, а иногда так круто забирает вверх, что дыхание срывается, коленки дрожат, сердце выскакивает из груди, а в душу закрадывается сомнение: верным путем ли я иду, граждане?

Но обратной дороги нет, и конца этой лестнице тоже нет, просто на каком-то этапе она плавно переходит в Млечный Путь, но я не могу объяснить это с первого раза.

Поэтому я вкрадчиво говорю, как двести раз вам говорили осенью в школе:

– Напишите о том, «что я делал прошедшим летом».

Любым прошедшим летом. Только на этот раз выкладывайте все начистоту. Напишите о миге, когда вы жили полной жизнью. Возможно, это будет что-то совсем простое – например, вы учились делать горячие бутерброды с сыром или просто сидели на теплом камне и смотрели на реку. Может, вас поразили дерево или окно, фраза, голос, походка, лицо, чья-нибудь пятка или ухо... Расскажите об этом в мельчайших подробностях. Напишите о том, что поглощало вас в детстве. Потому что по-настоящему передать вы сумеете только то, в чем присутствует любовь и блаженство. И «для камертона» читаю вам не виданного вами – не слышанного Уильяма Сарояна «Лето белого коня». Читаю вслух удивительные рассказы «Чистый Дор» моего старшего друга и учителя Юрия Коваля. Рассказы австралийца Алана Маршалла. Детские они? Взрослые? Да какая разница! И детям, и взрослым принадлежат эти писатели. И взрослым, и детям они – «на вырост».

И вот вы начинаете.

Юля Панкратьева

Белый туман

Курский вокзал. Поезд. Общий вагон. Мужик играет на гитаре.

Бегают дети. Две старушки едят вареные яйца. Мужик отложил гитару и в один присест съел целую жареную курицу. Остановка. Дружное забрасывание детей в вагон уже на ходу.

Мальчик Миша из Электростали подошел ко мне и сказал:

– Пойдем поулыбаемся!

Украинская таможня. Ночь без луны.

...Я чувствую запах моря, но еще не в силах открыть глаза.

Преодолевая себя, вижу бесконечную воду. Вдоль железной дороги тянется берег моря, вдоль берега стоят люди с удочками, а вокруг всё в каком-то белом тумане.

С моим-то зрением я не сразу поняла, что это, а это были бабочки.

Катя Илясова

Конюх

Ему было лет тридцать пять, а мне около одиннадцати. Он так приветливо улыбался своим беззубым ртом, и от него постоянно пахло конюшней.

– Слушай-ка, Людка, а кто он такой?

– Ванька, что ли? Да он конюх. Всю жизнь прожил в этой глуши, никогда не учился, даже читать не умеет. Все время со своими лошадьми. Деревня деревней! Можем попросить у него прокатиться.

Ваня мыл своих любимцев и о чем-то с ними беседовал.

– Вань, а можно мы посидим немножко на лошади? – робко спросила я.

– Да валяй, только не... – дальше все было непереводимо на человеческий язык.

Я попросила Ваню держать лошадь за уздечку, а сама забралась на лошадь. Кроме уздечки, там ничего больше не было – ни седла, ни стремян, ни подпруги. А все равно здорово. Сажу, слушаю, о чем Людка с Ванькой болтают.

И вдруг – собаки, прорва собак, все к нам бегут и лают. Лошадь обалдела и как побежит! А я-то сажу без седла, уздечка внизу болтается, держусь за гриву.

В первый момент, я помню, был страх и восторг. Лошадь несется быстрее, быстрее...

«Вот и смертушка моя подошла!» – подумала я и начала сползать набок, потом, как-то извернувшись, оттолкнулась от лошади и полетела в канаву.

Смотрю, вся деревня бежит – с вилами, топорами, косами, и все орут:

– Москвичка убилась!

Я встала и тоже ору:

– Да вот она я, жива!!!

Ух, что потом было – не опишешь.

А лошадь как все равно взбесилась – бежала и бежала, только к вечеру вернулась вся в мыле.

Денька через два я пошла к Ваньке на конюшню. Захожу, а он сидит на сене, какую-то книжку рассматривает. Увидел меня, смутился, книжку спрятал. Я тоже смутилась.

Потом мы уехали.

А через несколько лет мы с Людкой опять в Старораеве встретились, правда, уже зимой. Ну как не зайти в гости к старому знакомому!

Ванька нас не узнал, может, и к лучшему. Мы долго сидели у него, и я путано объясняла, что такое метро. А он рассказывал, что сам, собственными руками, построил водокачку. И еще признался в том, что скоро

построит такую штуковину, чем-то похожую на приемник, только с обратной связью, в нее можно будет говорить, а Клавка в соседнем доме услышит.

Надя Гайсенек

Улитки

В пионерлагере у забора в крапиве жили улитки. Все они были разные, как и мы – люди. Мы собирали их со жгучих листьев и приносили в отряд. Я складывала семью улиток в синюю мыльницу с дырочками: большая черная улитка была папой, поменьше – мамой, а самые маленькие – их дети. На ночь я накрывала эту компанию листом крапивы.

Жилища улиток – мыльницы располагались у нас на подоконнике. Красные, зеленые, белые мыльницы всю смену мозолили глаза нянечке, которая убиралась в комнатах.

Приближалась осень, заканчивались каникулы. Каждый вечер мы сидели на кроватях и наблюдали заворуженно за жизнью улиток.

А в последнее утро явилась нянечка, собрала наши мыльницы и спустила улиток в унитаз.

Потом она ушла. А мы еще долго сидели и слушали, как шумит вода в туалете.

Маша Лягина

Ночь в Нариманове

– Куда ж ты пойдешь одна ночью?

– Туда! – сказала я и махнула рукой в сторону леса.

Водитель подбросил меня до остановки. На самом деле ее там никогда и не было. А были елочки, оттуда час петляла тропинка до деревни.

«Остановите у елочек», – скажешь. И все знают: наримановская. Только чья? Нет ведь там никого, думают. Потому что деревня Нариманово давно опустела. Стоят шесть пустых и два жилых дома. Бабушка моя Феня да дядя Миша (для своих Мирон) живут на разных ее концах...

Ночью в лесу не так уж и здорово одной. Да еще сумки тяжелые, дождь, под ногами лягушки прыгают, а нельзя на лягушку наступить. Бабушка Феня всегда говорила: «Написает лягушка на ногу – язва будет».

Деревню я услышала сразу. Дяди-Мишин дом стоит на краю леса.

А его собака Пушок не лает, а орет, когда кто-нибудь приближается.

Пруд, мостик, калитка... Вдруг тихо так, жалобно кто-то простонал: «Пи-и-и-ть!»

Вот оно, думаю, леший! И побежала к крыльцу.

Вбегаю в дом, бабушку Феню разбудила и спрашиваю:

– Кто это у меня напиться просил? «Пи-и-и-ть, пить»...

А бабушка Феня:

– Так это птица такая, пищуха. Любит, – говорит, – она пить просить. Да так жалобно, нешто ей вынести впору...

Я вышла из дома и оставила на тропинке блюдце с колодезной водой. Для пищухи. Пускай попьет.

Алина Загайная

Юрка

Никто меня не похвалит, конечно, никто. Ведь если меня похвалят, Юрику так влетит, что мало не покажется.

Нас с Нинкой мама отпустила на пруд купаться и загорать под присмотром нашей соседки Тани. А Юрик узнал, что мы идем, и тоже пошел, совсем забыв спросить у бабушки разрешения, которое она никогда бы ему не дала.

Я плавать не умею, хотя меня дядя Коля уже четыре лета учит. Нинка, та вообще воды боится. Юрик плавает, конечно, только надевает на себя спасательный круг в виде дельфина.

Залез Юрик в воду со своим кругом, у берега рядышком со мной бултыхается. Неожиданно круг с него соскочил, и он оказался в воде. Мне-то ничего, я выше Юрика, а он тонуть стал.

Простила я ему все на свете – и спасла. Вытащила на берег.

А у него еще и нога вся в крови: пока тонул, успел ногу разрезать.

Я подорожником и бантом ему рану перевязала. Бант был синий, мой самый любимый бант, который тетя Рая из Москвы привезла.

Эх, Юрка, Юрка... Если бы не я! Из воды вытащила, ногу забинтовала, свое большое яблоко отдала. Только жаль, что о моих подвигах никто не подозревает. Особенно Юркина бабушка, она меня почему-то не любит.

– Ничего из нее нормального не вырастет, только и знает – нашего Юрочку обижать, – говорит она всем соседям.

Сейчас Юрик, хотя младше меня на два года, уже выше на целых две головы.

Однажды я на дискотеке сидела, грустила, ведь мой Вовочка с Наташкой танцевал. Вдруг подходит ко мне Юрик и говорит:

– Мадам, я приглашаю тебя на танец!

А раньше он всегда говорил:

– Я нашу бабушку Катю скоро из дому выгоню. У нее блины не такие вкусные, как у вашей.

Глава 2

Золотое правило нашего ремесла

Ну, я приврала немного, слегка подтасовала факты. Такие вещи с первого раза не пишутся. Семестр-другой приходится попотеть, чтобы понять, как рождается проза. Как семечко обыкновенного случая превращается в деревце рассказа? На этот вопрос хорошо ответил поэт Геннадий Шпаликов:

Бывают крылья у художников,
Портных и железнодорожников...
Но лишь художники открыли,
Как прорастают эти крылья.
А прорастают они так:
Из ничего, из ниоткуда.
Нет объяснения у чуда.
И я на это не мастак.

Не думайте, что я учу вас быть писателем. Научить этому нельзя. Просто некоторые люди рождаются со своей песенкой в сердце. Она там звучит и рвется наружу. Вот это и есть писатель. Я только могу показать, как ПРИХВАТИТЬ НАТУРУ. Скорее это относится не к искусству, а к ремеслу художника – пишущего, рассказывающего, показывающего картины Существования.

Тут есть несколько железных правил и одно золотое.

Первое, золотое, провозгласил Сент-Экзюпери: «Учиться нужно не писать, а видеть!»

Для этого в хорошую погоду я вытаскиваю вас из аудитории на улицу, мы идем все вместе – куда глаза глядят, и по дороге я показываю такие вещи, которые вы обязательно прошляпите. Когда-то в середине апреля, ранней весной, в старых арбатских переулках мы заприметили высокое окно. В окно – вы помните? – смотрел стриженный мальчик. А за его спиной стояла елка, наряженная, вся в огнях, со шпилем на верхушке. Еще раз повторяю: была ранняя весна – и вся эта картина походила на сон.

Мы видим на домах фигуры львов или сирен, крылатых сфинксов, которых никогда до этого не замечали. Заглядываем в подъезды, подворотни, бесстрашно («Ведь все мы филологи», – говорила Анна Ахматова), читаем надписи на стенах и заборах. Кстати, попадаются гениальные! В Колпачном переулке мелом на каменной ограде запечатлены великие письма:

«МИША! Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!»

Катя.

И СПАСИБО ЗА ТУ НОЧЬ...»

Был смешной случай. Лариска Горячева курса два не могла прихватить никакую натуру. О чем бы она ни бралась написать – одни общие места, ни одной интересной детали. Ну, мы с ней вдвоем и отправились «на охоту». Я ей говорю: «Смотри! Смотри! Гляди, какой пес бежит, – этот окрас знаешь, как называется?» Она: «Как?» Я: «Соль с перцем! А эта мороженщица, ты заметила (было лето), в валенках стоит! Теперь отвечай: что смешного в том объявлении на киоске: “Продавец отошла?” Думай, думай, – кричу я ей. – Наблюдай!»

Пытаюсь расшевелить.

Тем временем мы с ней стоим у проезжей части дороги, и прямо перед нами проезжает асфальтовый каток. Там сидят два чумазых обалдуя, и они нам с Лариской, а может, только ей, о б а посылают воздушный поцелуй!

Я мгновенно им шлю ответный. А Лариска застыла как статуя – никакой реакции.

Я – строго:

– Ты видела, что тебе с асфальтового катка был послан поцелуй?

Она – вяло:

– Видела...

– Почему ты на него не ответила – хотя бы взглядом или улыбкой?

Молчит угрюмо.

Я говорю:

– Лариска! Это наш возлюбленный город! И кругом наши возлюбленные горожане! Ты должна хоть как-то соответствовать этой струящейся отовсюду любви.

А тут навстречу нам идет мой дружок – великий сказочник современности Сергей Седов. Увидев нас, он издали распахивает объятия и с этими вот распахнутыми объятиями неуклонно надвигается на нас с Лариской. Лариска в ужасе смотрит на меня, а я молчу, не признаюсь, что это мой знакомый. Тогда она – обреченно, как агнец на заклание, – плетется дальше. Седов самым сердечным образом обнимает ее, блаженно прикрыв глаза, а мне говорит:

– ...Молоденькая! Не то что ты – старая кошелка!

Вскоре после этой прогулки Лариска написала свой знаменитый рассказ «Канарский воздух». О том, как они, отдыхая с семьей на Канарах, присмотрели там шкаф и привезли его в Москву.

Бабушка чуть в обморок не упала.

– Вы с ума сошли! – говорит. – Зачем вы приперли с Канар этот шкаф?

(Ну, что-то вроде того, я рассказываю как помню.)

А мама с папой Ларискины отвечают:

– Это мы тебе просто привезли канарский воздух.

Тут они распахнули двери комода, купленного на Канарах, и оттуда повеяло морем и ветром и слышались крики чаек.

Кажется, дело происходит на остановке, все чего-то ждут. «Укол» по Ролану Барту здесь – в разобщенности фигур, отсутствии раскованности, мы видим одиночество каждого в отдельности человека в толпе, наше собственное одиночество, а главное – космическое одиночество этого человека. О нем, стоящем в центре, можно написать целую повесть – посмотрите на черты его лица, на его уши, руки... На его полосатую рубашку и клетчатый пиджак. Здесь каждый предельно одинок. Как будто люди выброшены из океана сознания на берег жизни.

Способность ясно видеть и глубоко проникать в увиденное – магический дар, к таким ясно видящим людям я всегда испытывала благоговейное чувство, старалась изо всех сил научиться у них, если они позволяли, – ходила за ними, пыталась поглядеть вокруг их глазами.

Однажды Юрий Коваль попросил меня написать предисловие к его книге, которая готовилась выйти в «Золотой библиотеке» издательства «Детская литература». Тогда я в свою очередь попросила старшего брата Юрия Иосифовича, профессора Бориса Коваля, рассказать о Юре – мне хотелось больше узнать об их детстве.

И он рассказал, как вечно поражался тому, что они с Юрой гуляли в одном дворе, ходили в одну школу, летом отдыхали на одной даче, практически вид открывался на каждом шагу один и тот же! Но то, что видел Юра, не видел никто. Он был как фокусник, ап! – и появляется дивный рассказ «Картофельная собака».

И все изумлены: ведь этого Тузика видели тысячу раз, хорошо знали дядьку Акима Ильича и его мешки с картошкой, но в общих чертах, на поверхности. А он, Юра, видел и Акима Ильича, и Тузика насквозь, он их жарко любил, он внимал каждому их проявлению, эти проявления накапливал – в голове или в дневнике, строго отбирал. Потом это все соединил, досоздал, дофантазировал, и в итоге:

«Картошка хорошая! – лукаво кричал Аким Ильич. – Яблоки, а не картошка. Антоновка! – Тут Аким Ильич вынул из котелка отваренную картофелину и мигом содрал с нее мундир, сказавши “Пирожное”...

– Дядь! – кричали издали ребятишки, когда я прогуливался с Тузиком. – А почему она картофельная?

В ответ я доставал картофелину и кидал Тузику. Он ловко, как жонглер, ловил ее на лету и мигом разгрызал. Крахмальный сок струился по его кавалерийским усам».

Спелая, сочная проза рождается у человека с объемным ярким видением мира. Как говорил художник Винсент Ван Гог: «Видеть надо все, как при свете молнии!»

Вот и мы теперь с вами – само внимание. Мы идем и подмечаем: трещины на асфальте, крыши домов и облака, отраженные в лужах, графику облетевших ноябрьских деревьев, броуновское движение случайных прохожих, летящих листьев, падающего снега. Каждое проявление жизни драгоценно для нас: чужое лицо, звук шагов, походка, взгляд, профиль, поднятый воротник, пальто, ботинки...

– Всегда первым делом смотрите на ботинки! – я не устаю повторять. – Они вам *все* скажут о человеке.

Я с ума схожу, когда смотрю на ботинки людей: особенно в вагоне метро это выглядит колоритно. Чудовищную нежность я испытываю к носителям ботинок.

Наверное, об этой нежности Денис Батяев в своем сочинении написал: «Степанова Ленка считает, что красоты в мире гораздо больше, чем уродства. А Марина Москвина считает, что уродства нет вообще».

Вы, конечно, замечали, что случайные предметы, брошенные людьми, казалось бы, отжившие свой век, начинают жить сами по себе. Особенно одежда, покинутая хозяевами. А тут, понимаете, галоши.

Мудрые изречения почерпнула я из размышлений о галошах концептуалиста Леонида Тишкова:

«Галоши говорят о человеке больше, чем письмо, написанное любимой девушке. В письме он солжет, галоши его выдадут».

Его же стихотворение, будто комментарий к фотографии Натальи Куликовой:

Забывтые галоши
человек ушел
покинул этот мир
галоши его остались.
Смотрю на галоши
и слезы текут
из моих глаз.

А скрученный на берегу шланг, словно шланг водолаза, который сбросил башмаки, отрезал шланг и воспарил на небо.

Глава 3

Железное правило нашего ремесла

В своей незаконченной рукописи «Цитадель» Сент-Экзюпери рассказывает притчу про двух садовников. Пока их не разлучила судьба, они жили как братья. Часто они молча гуляли по саду, любуясь цветами, небом и деревьями, вместе праздновали одни и те же праздники и поверяли друг другу самое сокровенное. Случилось так, что одного из них нанял на работу какой-то купец, и тот ушел с его караваном. На караван напали разбойники, потом превратности судьбы, войны между царствами, бури, кораблекрушения, невзгоды, потери и нужда много лет швыряли его из одного сада в другой, словно бочку в море, и, наконец, забросили на другой конец света.

И вот уже, состарившись, садовник получает от своего друга письмо. Одному богу известно, сколько лет странствовало оно по морям, какие всадники, какие корабли, какие караваны поочередно несли его, прежде чем оно попало к нему в сад. В письме было всего несколько слов:

«Сегодня утром я подстригал мои розы...»

Отныне садовник потерял покой. Он только и делал, что расспрашивал о географии, о навигации, о почтовых путях, о караванах, о войнах между царствами. А через три года ему разрешили с оказией отправить другу письмо.

Целыми днями садовник только и делал, что выводил свои каракули, зачеркивал и принимался писать заново, ибо он чувствовал, что должен сообщить что-то очень важное, очень сокровенное, может быть, все, что он понял и почувствовал за свою долгую жизнь в разлуке, — ему надо было выразить любовь.

И вот, краснея от смущения, он послал ответ. Это была жаркая молитва, выраженная простыми, старательно и неумело написанными словами:

«Сегодня утром я тоже подстригал мои розы...»

Я плачу, когда читаю эти строки. И понимаю: ужас нашей профессии в том, что главное нельзя выразить словами. А между тем все, что есть у нас в чемоданчике с инструментами, — это слова, слова, слова...

Что ж нам делать? Пустословие — полноправный смертный грех, нам с вами незачем взваливать его на свои плечи. Значит, прежде чем рука потянется к перу, перо — к бумаге, мы должны сами жить, расти, очаровываться, разочаровываться, заблуждаться, искать выход из безвыходных положений, падать, подниматься и начинать все сначала, любой ценой стараться открыть свое сердце, сопереживать всем и каждому, научиться прощать, понимать, обрести спасительное чувство юмора, вселенский, философский подход к событиям и людям, окружить себя книжками древних мудрецов и Учителей (смело за них ручаюсь: не подведут!): Лао-цзы, Чжуан-цзы, Будда, Иисус, Диоген, Сократ, Сенека, Кришнамурти, Ошо, японский поэт Басё... просветленные всех времен и народов должны стать нашими постоянными спутниками и советчиками.

И это в тесном переплетении с золотым правилом — оттачивать ясное, острое видение, наблюдать, накапливать.

Иначе что ты мне хочешь предложить, представ предо мною на экране телевизора, на книжной или газетной полосе? Глупости у меня своей хватает, страха, ненависти, тревоги — этого добра у каждого больше, чем хотелось бы. Что ты мне можешь дать? Чем одарить?

Вы скажете: если так рассуждать, то вообще не вымолвишь и слова, особенно перед микрофоном или камерой, перед чистым листом бумаги. А я вам отвечу: вот и отлично. В мире так мало тишины. А настоящее слово выходит из тишины и в тишину вас уводит. Чтобы услы-

шать такое слово и чтобы его произнести – нужна большая осторожность и большая внимательность. Как говорил Лао-цзы: «Там, где все идут уверенно, я пробираюсь осторожно, как будто в бурю».

У прекрасной песенницы Новеллы Матвеевой есть такие строки:

Он может умереть, пока слова готовит,
Но не готовых слов он не произнесет...

Поэтому меня не огорчает, а радует, что Юлия Панкратьева никак не может начать свой дипломный фильм, не знает, с какого бока подступиться.

Как-то раз я принесла на занятие старую черную папку, доставшуюся мне по наследству от сестры моей бабушки тетки Анны. Там хранились пожелтевшие ученические тетрадки ее сына, рисунки, школьный дневник, его письма с фронта. Он не вернулся с войны. Муж тетки Анны был комендантом Кремля, потом его арестовали, сослали. Больше они никогда не виделись. В папке хранятся три его письма.

В первом он пишет, что все еще наладится, выяснится, образуется. Спустя несколько лет пришло второе письмо – он пишет, что никогда ее не любил, давно забыл о ней и не вспоминает. А через много лет еще одно письмо, последнее – о том, что только она всю жизнь была его настоящей любимой, единственной женщиной и женой.

Вот такая папка.

Юлия Панкратьева у меня ее взяла и совсем пропала. Потому что сделать фильм о сыне тетки Анны – его звали странным именем Джемс – задача на засыпку. А забыть о нем она теперь не может, так бывает.

И вот Юлька пишет сочинение:

Памяти друга Джемса Цвирко

Сколько весят снаряды?

Тетрадь для арифметики ученика 3 «Б» класса Цвирко Джемса.

Задача № 30, второе действие:

«Сколько весят все снаряды?

6500 умножить на 124 = ...»

У тебя, Джемс, почерк художника и всегда аккуратные тетради.

А на листах из блокнота – они служили дневником поведения – записи учителей:

10.02.41 – поведение на четвертом уроке посредственное.

12.02.41 – оглядывается во время урока.

28.02.41 – на уроке оглядывается на заднюю парту.

Джемс, это не случайно, правда?! Кто сидел на задней парте? Маша, Вера или... Ведь не зря тебя мучило, что Соня не пишет на фронт. Ты радовался весточкам от Веры и Маши, но ждал – от одной-единственной. Писал ей сам, а в конце письма выводил: «Жму руку!»

На переменах ты, взмыленный, носился по коридору и дергал девчонок за косы. А учителя тебя любили. Но школа далеко позади, и теперь остается только вспоминать о ней, когда на фронт доходят, как отголоски тех счастливых времен, письма школьных друзей.

Однако чаще, Джемс, ты вспоминаешь эпизоды недавно пройденных тобою боев. Пока пишешь бодро и браво: «На память об этих жестоких боях есть у меня трофейные немецкие часы очень хорошие, – пишешь ты маме. – Костюмы, обувь, все первосортной выделки! Есть и другие безделушки. Это мой личный счет убитым фрицам. Пока за эти бои их восемь, да за сорок третий год – три, это уже одиннадцать».

«...Сиводня была граза лил дождь молния свиркала гром гремел».

Помнишь, Джемс, как писал ты эти строчки домой, когда еще «было хорошо и весело» тебе отдыхать в детском летнем лагере. Ты был маленьким и не знал, сколько еще напишешь писем домой!

«День рождения я отметил, зато шинель у меня теперь старая.

Мне хотелось хотя бы на минуту забыться. Наполовину это удалось.

Настоящее забыл, зато вспомнилось прошлое, веселое, жизнерадостное, и стало еще тоскливей.

Девятнадцать лет! Они проходят, мои золотые, невозвратные годы, в нужде, холоде, под открытым небом, в то время как можно было бы жить полной жизнью. И виною всему – фашизм. Разве это забудешь? Ну, в общем, девятнадцать лет отпраздновал».

Письма к маме были единственной ниточкой, которая тянулась от твоей походной шинели прямо к дому. Часто она обрывалась, письма шли долго. Но в тебе созревали новые письма, они берегли эту зыбкую ниточку, связывали оборванные концы в узелок, она тянулась дальше. Один узелок – Ярославль, другой – Вышний Волочок, третий – Гомель. А между ними рвущиеся снаряды, госпиталь, твоя блистательная игра на бильярде со старшиной, весточка от отца, который называл тебя «мой милый боевой орленок», тоска по дому и праздники... Помнишь, как писал маме, что вам дают часто шнапс и что вернешься домой с «зависимостью», а заодно и с «медалью за оборону Москвы». И вот – Восточная Пруссия!..

«В четыре часа мои ноги впервые ступили на землю Восточной Пруссии – исполнилась моя мечта, желание всего нашего народа. Настроение замечательное. Сейчас будем завтракать. Жарятся гуси, кипятится кофе, и хлеб с маслом стоит уж на столе. Только нет вот нашей русской водочки, а то бы выпил за твое здоровье. Себя береги для меня, а я буду жив для тебя! Очень хочется побывать дома и увидеть тебя. Но путь домой лежит через Берлин, поэтому чем быстрее сейчас буду удаляться от тебя, тем скорее увижусь».

У тебя было странное имя – Джемс. Помнишь, в школе тебя дразнили «джем»? В детстве ты ходил с «бабочкой» и кружевным воротником. Белые ресницы, белые брови. Во дворе тебя звали Женька.

В сорок пятом году ты погиб, дойдя до Берлина. Твоя мама в церкви заказала поминальную молитву и написала: «Помянуть Евгения».

Побоялась, что имя Джемс в одно ухо Богу влетит, в другое вылетит.

Много лет она искала, где ты похоронен. Наконец, ей пришло письмо – оно тоже хранится в этой папке: «Нашли имя вашего сына в архивах погибших под Берлином. Высылаем фотографию его могилы».

На фотографии река Шпрее, пологий берег, высокий тополь, обелиск со звездой и надпись:

«Денис Георгиевич Цвирко».

...Так она и осталась нерешенной, Джемс, эта задача № 30:

«Сколько весят все снаряды?»

Когда выйдет эта книжка, Юлька, ты уже снимешь свой фильм, никуда не денешься. Хотя все опытные люди тебе советуют, чтоб ты на первых порах выбрала другую тему, полегче. Ну где ты возьмешь тут видеоряд? Не хронику ведь военную давать? А от твоего героя остались только письма и парочка фотографий. Где отыщешь старую Москву, которая помнит о твоём герое? Как уловишь атмосферу того времени, как сможешь вызвать к жизни тени тех людей и оживить их судьбы, их любовь и вечную разлуку?

А ты твердишь: нет, буду только это. Не зря же я потревожила его душу. Поймите – я хожу и все время с ним разговариваю!..

Тогда начинай и ничего не бойся. Напишется сценарий, найдется ускользающий видеоряд. И у тебя получится то, что ты хочешь: на своей далекой войне он услышит твой голос.

Моя тетка Анна дожила до глубокой старости. Всю жизнь у нее на телевизоре простояла фотография, где они вдвоем – она, муж и сын запечатлены вместе. Живописный портрет не смог бы подтвердить с такой убедительной неопровержимостью, что это мгновение – не воспоминание, не фантазия, не иллюзия, что мы были на самом деле.

В снимке заключена центростремительная сила, которая показывает, насколько судьбоносной была их встреча. Но вскоре под давлением обстоятельств они друг от друга откажутся, а мальчик погибнет на войне. При всей видимой идиллии, глядя на эту фотографию, мы ощущаем тревогу, потому что знаем, что с ними будет. Вот сила фотографии и сила нашего взгляда.

Глава 4

Чукча – не читатель

Я никогда не мечтала быть детским писателем. Что это за профессия, думала я, ни то ни се. В детстве я любила читать вполне взрослые книжки вроде Майн Рида или Жюль Верна, Вальтера Скотта или Фенимора Купера. А когда я вырасту, я думала, то буду просто искателем приключений. Стану путешествовать по всей Земле, встречать разных людей, пройду огонь, воду и медные трубы, а в глубокой старости я собиралась сесть в кресло у камелька, пропустить стаканчик грога, раскурить свою капитанскую трубку и рассказывать внукам о прожитой жизни, наполненной героическими подвигами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.